

Г а л и н а
А л ф е е в а

Е щ ё о д и н

16+

Галина Алфеева

Ещё один

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Алфеева Г.

Ещё один / Г. Алфеева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Смерть здесь, на склоне оврага, куда он сорвался, так и не убив своего последнего врага, была бессмысленной. Прозрачные, сияющие золотистыми лучами зори души предков и тех, кто сейчас гибнет там, в городе, будут молча с укором смотреть на него, когда он перейдет границу бытия... Его не примут живые, его не примут и мертвые... Нет, пусть он не достоин жить, но он не может принять такую смерть! Взобраться назад, туда, на кромку, там умереть от руки врага и, умирая, забрать хотя бы ещё одного... Ещё одного... Каждый выбирает, для чего ему жить и за что ему умирать. Можно ли решать за другого? Они столкнулись на краю оврага: человеческая женщина и нелюдьянаарт, столкнулись как смертельные враги. Впереди у них нелегкая дорога в горы и не так уж много времени, чтобы сделать выбор и принять свою судьбу.

Он отёр с лица холодную влагу: мелкий дождь и липкий предсмертный пот. Лёжа на мокрой листве, мучаясь от боли, посмотрел вверх, на кромку оврага, за которой был город, его город.

Из-за кромки ползло чёрное сажное облако.

Город горел. Горел тяжело, чадя мертвечиной и сырыми, мокрыми от дождя балками; несмотря на дождливую и слякотную погоду, всё ещё горел, и некому было его тушить.

Уцелел ли кто-нибудь в этой бойне? Яд, который люди насыпали в колодцы, выкосил всех наартов за сутки. Те, кто, как и он, несмотря на горящие от боли внутренности, пытался сражаться, добивали на улицах. Тех, кто не в силах был выбраться из жилищ, сжигали вместе с этими жилищами.

Наарты сильнее людей. Наарты быстрее. Наарты могут говорить друг с другом мысленно и чувствовать друг друга на расстоянии. Но сейчас они умирают – как племя, как народ, как хозяева этой земли. Им не позволят жить – даже рабами. Людям не нужны рабы, которые быстрее, сильнее, умнее, сплоченнее, даже если и не коварны. Наарты должны умереть...

Он не боялся смерти, хотя был и молод, и силён, и мог бы, наверное, прожить долго. Не боялся, потому, что умел и сражаться, и охотиться – как любой из мужчин его племени – и знал, что такое смерть. Не боялся, но всё тянул, не мог её принять; и она, словно хищный зверь, похаживала вокруг, пофыркивала, обнюхивала, примеривалась...

Но, не сдаваясь смерти, он не мог, однако, и выбрать жизнь: выживешь, доберёшься за перевал, к северным поселениям и, словно проклятие, будешь носить на себе презрение за своё малодушие, бессилие и страх. Будешь слышать не слова, будешь слышать мысли: даже за стенами дома, даже в лесной чаще, даже в скалах, – будешь слышать их всю жизнь...

Смерть здесь, на склоне оврага, куда он сорвался, так и не убив своего последнего врага, была бессмысленной. Прозрачные, сияющие золотистыми лучами зори души предков и тех, кто сейчас гибнет там, в городе, будут молча с укором смотреть на него, когда он перейдёт границу бытия...

Его не примут живые, его не примут и мертвые...

Нет, пусть он не достоин жить, но он не может принять такую смерть! Взобраться назад, туда, на кромку, там умереть от руки врага и, умирая, забрать хотя бы ещё одного... Ещё одного...

Он чувствовал, что там, наверху, кто-то есть. Тот, с кем он пытался биться, уже ушёл, не став спускаться, чтобы прикончить умирающего. Но приближался ещё один. Человек.

Слышать мысли людей наарты не умеют, но могут очень чутко слышать их голоса, запахи... Даже сейчас, когда запах гари забивает все остальные, и человек молчит, находясь где-то за кромкой, умирающий, слепой и глухой от боли наарт чувствует его сбивчивые шаги и прерывистое дыхание... Успеть бы!

И он стал карабкаться по склизкой листве и стылой мокрой земле наверх... Рука ухватилась за край, стала ощупывать, ища устойчивое место, чтобы можно было взобраться.

Человек наверху бежал прямо к нему. Шаги были нетвёрдыми и легкими. Женщина.

Женщина, видимо, хотела спуститься в овраг. Она бежала к кромке, словно к последнему рубежу, к заветному укрытию, напрягая все силы, не размышляя, как будет действовать дальше. Уже на самом краю она повернула корпус вбок, притормаживая перед спуском, но этого движения было недостаточно для мокрой травы и скользкой земли: женщина соскользнула по ним вниз.

Она бы, наверное, ушиблась и ссадила кожу, быстро съезжая или катясь по торчащим из земли прутьям, корням, обломанным веткам, случайным камням. Часть её веса и скорости принял на себя наарт, на руку которого она чуть не наступила на краю оврага, и на которого

она, в конечном счете, свалилась, прежде проехав вместе, то ли сцепившись, то ли обнявшись, несколько шагов по склону.

Эта человеческая женщина была везучей. И своим везением, как и своим весом, она поделилась с наартом: плавно съехав, они попали в кучу прелой листвы.

Несколько секунд оба лежали неподвижно, соображая, что произошло, потом отпрянули друг от друга, каждый потрясенный открытием.

Она осознала, что перед ней – враг, да, уже не такой сильный, но всё ещё опасный. И он может и хочет убить её.

Он... Он только сейчас, когда соприкоснулся с её телом, худым и гибким, понял, что в ней есть новая жизнь. И эта жизнь появилась внутри женщины благодаря его племени. Пусть не он – отец. Но это – его кровь, его плоть. И пусть той жизни не больше трёх недель от роду, и пусть она ещё не получила Голос, чтобы быть услышанной. Но она была там, в теле женщины. Он почувствовал эту новую маленькую, родную ему жизнь.

И смерть её почуяла. И поняла, что проиграла. Да, сейчас она заберёт большого, но уже ненужного на земле. Но маленький, нужный для продолжения рода, нужный для возрождения их племени, избежит гибели. Женщина, у которой достало смелости полюбить наарта, достанет смелости выжить и сберечь его ребёнка. Она найдёт дорогу к северным землям, где ещё можно жить в безопасности. Ребёнок родится, вырастет, потом вырастут его дети и внуки...

Собственная смерть для наарта более не была бессмысленной, и смерть человека более не была для него смыслом жизни. Он понял, что готов.

Женщина что-то сказала, он, не размыкая губ, сделал движение рукой, чтобы она поняла, что может и должна идти. Но она или не разгадала смысл жеста, или хотела прежде что-то узнать, потому что несколько раз произнесла, будто спрашивая, одну фразу. Он, морщась от боли, хотел сказать, чтобы шла на север. Но сказать не получилось: вместо голоса раздался сип, гортань наполнилась солёным, изо рта потекла струйка крови. Смерть отомстила ему, напоследок отняв голос: женщина не могла слышать мысли, а он уже не мог говорить вслух. Впрочем, даже если бы и мог, едва ли женщина знала язык наартов.

В её взгляде лишь на мгновение проявились испуг и растерянность, на смену им сразу же пришла решительная сосредоточенность. Незнакомка похлопала себя по одежде, вспоминая, куда спрятала какую-то важную вещь. Должно быть, и в куртке, и в одежде под нею было немало потайных карманов. Обнаружив искомое, женщина вытащила его – какую-то маленькую, совсем крошечную склянку. На поясе знакомки была фляжка, она сняла её, открыла, влила несколько капель внутрь, чуть поболтала. Потом, довольно бесцеремонно схватив его подбородок и надавив на челюсть, заставила шире открыть рот и тогда уже став осторожной и бережной, напоила своим снадобьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.